

Лю Сяньань мало путешествовал — по причине лени и полной ненужности. Он прочитал сотни тысяч томов толстых местных хроник, от севера до юга, от востока до запада, и был знаком со всеми пейзажами и обычаями. Стоило ему закрыть глаза — и он мог свободно странствовать в мыслях, так что нужды трястись в повозке или на лодке у него не было.

От Байхэ до Юэя даже на самых быстрых лошадях путь занял бы почти два месяца. Да и выдержал ли бы Второй молодой господин Лю такую «молниеносную» скорость? Скорее всего, он бы в панике свалился с коня. Он ещё даже не отправился в путь, а его носовые пазухи уже будто наполнились ветром с песком — таким раскалённым, что горлу стало больно.

Так почему же он так запросто заявил, что навестит северо-запад?

Наверное, вино виновато. Сейчас Лю Сяньань пребывал где-то между лёгким охмелением и полноценным опьянением. Трезвостью тут и не пахло, а при попытке обдумать вопрос голова закружилась ещё сильнее. Потому он неуверенно поднялся на ноги, собираясь медленным маршем отправиться в спальню — совершенно забыв, что находится на крыше.

Он не запаниковал, шагнув в пустоту, а просто спокойно полетел вниз. Не обрадовался и когда Лян Шу его поймал. Глаза его блуждали где-то в глубинах звёзд и облаков, когда он вздохнул. Голубое небо... праведное оно или порочное?

Лян Шу не понимал, как этот человек дожил до своих лет, если целыми днями падал с высоты, будто у него нет ни рук, ни ног. А Лю Сяньань тем временем всё ещё пребывал под впечатлением от величия природы. Закинув руки за спину, словно стоя на вершине мира, он закрыл глаза, слушая ветер, а открыв — увидел... Его Высочество Сяо Вана.

— Почему ты даже пьянеешь медленнее других? — поинтересовался Лян Шу. — Я не пьян, — возразил Лю Сяньань.

И тут же бесформенно сполз на землю. Лян Шу на этот раз не стал его поднимать, желая посмотреть, что тот предпримет. В результате Второй молодой господин Лю некоторое время лежал на земле. Может, от холода или неудобства, но он снова поднялся, огляделся в замешательстве и затем медленно, пошатываясь, заковылял прочь. Устав идти, он плюхнулся на землю и начал обсуждать дао с Лян Шу.

От состояния пустоты и небытия до сотворения мира, от противоречий до гармонии. Является ли существование истинным существованием, а небытие — истинным небытием? Сейчас у меня есть слова, но есть ли в них смысл?

Лян Шу щёлкнул его по лбу:

— Позови того, кто говорит на человеческом языке.

— Слепой не разберёт цвет своих бровей. - пробормотал Лю Сяньань.

Мол, ты всё равно не способен оценить, так что нам не о чем говорить.

— Тогда я ухожу, — сказал Лян Шу.

Второй молодой господин Лю ухватился за его рукав. В обычное время он всегда мог найти кого-нибудь из Трёх Тысяч Миров вместо Лян Шу. Но сейчас, будучи под хмельком, он и сам запутался в этих мирах, превратившихся в разноцветное сияние. Ухватить их или проникнуть внутрь не получалось, так что пришлось крепко держаться за единственную реальность — Его Высочество Сяо Вана. Он сжал пальцы так сильно, что суставы побелели.

— Не уходи.

Лян Шу позволил ему стащить себя на землю.

Лю Сяньань тяжело вздохнул, приняв позу человека, готового к пространной речи.

— Говори понятными словами, — приказал Лян Шу.

Лю Сяньань кивнул. Конечно.

И затем изрёк:

— Даосы не всегда получают титулы. До начала мира была постоянность, а люди лишь провели границы, чтобы сражаться за «смысл». За пределами вселенной мудрец существует, но не вмешивается; внутри вселенной мудрец говорит, но не спорит. Мудрец не участвует в препирательствах, но мир любит похвалиться. Как князь думает, почему так?

Лян Шу почувствовал себя ребёнком, которого вновь заставили слушать бородатых старцев. Тогда он тоже не понимал, как можно изъясняться настолько неестественно, словно зачитывая заклинания из древних свитков, и не предполагал, что этот кошмар когда-либо повторится. Лю Сяньань торжественно объявил:

— Всё потому, что они не видели необъятность Дао!

Лян Шу надавил ему на плечо:

— Дао велел мне отвести тебя в комнату.

Без дальнейших объяснений он взвалил его на себя и понёс. А-Нин поспешил принять

молодого господина, но Лю Сяньань всё ещё цеплялся за рукав Лян Шу, оторвав кусок ткани. Его Высочество Сяо Ван, обычно щеголявший в роскошных одеяниях, сейчас выглядел так, будто по нему прошлась дикая кошка — плечи перекошены, золотая вышивка на манжетах растрёпана.

А-Нин был в ужасе:

— Ваше Высочество, наш молодой господин редко пьёт, поэтому сегодня... он крайне невежлив.

Лян Шу тоже вспотел от мучений. Вино, которое копил девяностолетний старик, оказалось крепче всех спиртов северо-запада. Видимо, старших никогда нельзя недооценивать.

Последствия той ночи давали о себе знать: у Лю Сяньаня раскалывалась голова, и он провалился в постели до полудня. Вспомнил он только фразу «поеду на северо-запад». Всё остальное — включая момент, когда ушёл князь — стёрлось из памяти, будто мозг промыли водой.

А-Нин мрачно стоял у кровати:

— Молодой господин в пьяном виде разорвал одежду князя, забрал лоскут себе и настаивал на том, чтобы спать вместе.

— Погоди, — Лю Сяньань сел. — С кем я хотел спать? С тряпкой или с князем?

— Конечно с тряпкой! — А-Нин округлил глаза. — Или... молодой господин хотел с князем?!

— Нет, — Лю Сяньань с облегчением откинулся назад. — Голова кружится.

— Если Учитель узнает, он вас отлупит палкой, — А-Нин положил на лоб влажную ткань. — Князь и Чэн-гуньян завтра отправляются в бюро. Вам надо отдохнуть, а затем спуститься с горы — попрощаться и извиниться за одежду. Князь вряд ли потребует компенсацию, но этикет необходимо соблюсти.

Лю Сяньань проигнорировал его ворчание, достал из-под подушки лоскут и долго разглядывал. Непонятно, откуда взялась такая сила. Голова ещё гудела, так что он не стал напрягаться, укутался в одеяло и снова уснул. А-Нин покачал головой: хорошо, что князь оказался снисходительным, иначе неизвестно, чем бы всё закончилось.

За окном всё ещё хлопотали ученики Медицинского зала Байхэ. Шум долетал до Лю Сяньаня, и

спал он беспокойно. В тревожном сне он снова оказался у водоёма под водопадом, но на этот раз дорога казалась бесконечно длинной. Вокруг висел густой туман, и он стоял посередине, не зная, куда идти.

Чем больше он спал, тем сильнее кружилась голова.

Во второй половине дня А-Нин заставил своего молодого господина встать у кровати, облачил его в новый, более опрятный халат и тщательно причесал. Хотя Лю Сяньань не взял с собой сменной одежды, ему повезло — он и так был красив. Лишь бы не в лохмотьях и не растрёпанный — тогда смотрелся вполне прилично. Как раз подходяще для извинений.

Повозка бодро катилась по горной дороге. Лю Сяньань отхлебнул чаю «Иньдань» из дорожного бурдюка и наконец пришёл в себя, но, очнувшись, так и не вспомнил, что происходило прошлой ночью. Помнил лишь, будто обсуждал с Его Высочеством Сяо Ваном дао и путь человеческий. Разве это не вполне прилично? А значит, ничего предосудительного и не было.

— Ох, лучше бы ты молчал, — пробормотал А-Нин.

Обстановка в Чисячэне разительно отличалась от той, что была при их прибытии. Угрюмую тишину давно развеяло: по обеим сторонам улицы выстроились лотки, в харчевнях шумно жарили и парили, а по дорогам резвилась ребятня. Они решили купить сахарную фигурку для Таохуа — та уже спустилась с горы и теперь поправлялась дома.

Лю Сяньань облокотился о край повозки, наблюдая за улицей, но вдруг краем глаза заметил вдаль, на противоположном конце дороги, группу всадников, мчавшихся в сторону городских ворот.

— Молодой господин, это же князь с людьми! — воскликнул А-Нин. — Дядя, поторопитесь, пожалуйста! Только осторожнее, не задеть народ.

Возница хлопнул кнутом, подгоняя лошадей, но, как ни старался, угнаться за теми всадниками было невозможно. Когда они добрались до ворот, даже клубы пыли уже рассеялись.

— Лю-эр-гунцзы? — Ши Ханьхай тоже стоял у ворот и, заметив Лю Сяньаня, поспешил к нему.

Лю Сяньань спрыгнул с повозки и уставился на дорогу за воротами:— Это...

Ши Ханьхай пояснил:— Его Высочество утром получил срочное письмо. Кажется, в эскортном бюро какие-то проблемы, потому он сразу отправился туда. Чэн-гуньян просила передать, что вы ещё увидите. Ах да, князь оставил отряд сопровождения для Лю-эр-гунцзы — чтобы проводить вас обратно в Деревню Байхэ. Можете выезжать в любое время.

Услышав это, Лю Сяньань ощутил горечь. Он знал, что Лян Шу скоро уедет, но разница между

«завтра» и «сейчас» была огромной. Да и прошлой ночью он был пьян — кто знает, обменялись ли они хоть парой прощальных слов?.. На восемьдесят процентов уверен, что нет.

Он развернулся и снова залез в повозку:

— Ладно, поедem домой сегодня же.

Ши Ханьхай хотел уговорить его задержаться, но, почувствовав мрачное настроение Лю Сяньаня, благоразумно промолчал. Вместо этого он велел слугам приготовить лучшую и просторнейшую повозку. Насколько большую? Говорят, раньше в ней столяры перевозили шкафы.

И всё же Ши-дарен испытывал вину и раз за разом извинялся:

— Надо было ещё больше, но время и материалы ограничены. Да и столяр всё ещё на горе Дакан, так что пришлось просто как следует вычистить то, что есть, и постелить самый мягкий ковёр.

— Не надо такую огромную! — замахал руками А-Нин.

— Нет, надо, обязательно! — настаивал Ши Ханьхай. — Таково было распоряжение князя. По его словам, Лю-эр-гунцзы ехал сюда верхом и по прибытии чуть не слёг. Кроме того, уже готовят дыни, фрукты, закуски и вино — скоро принесут.

Лю Сяньань, всё это время сидевший взаперти в комнате, услышал эти слова и молча высунул голову в окно.

Да уж. Вот это действительно... большая повозка.

<http://bllate.org/book/14628/1297864>